

Памяти почившаго о. архимандрита Іакова.

Милостивый Государь,

Г. Редакторъ!

16 іюли сего года исполнилась первая полугодина бывшего нашего настоятеля, священно-архимандрита Іакова, при воспоминаніи о которомъ невольпо исторгаются слезы умиленія и сожалѣнія, что мало Господь сподобилъ пожить подъ руководствомъ такого добродѣтельнаго старца. Мнѣ недостойному послушнику Богъ привелъ вести занисъ въ видѣ дневника о смерти, погребеніи и о нѣкоторыхъ выдающихся случаяхъ изъ жизни покойнаго—со словъ его старшаго келейника о. Игнатія. И за какое я считаю счастье, что мнѣ малограмотному Богъ привелъ почтить память незабвеннаго о. архимандрита Іакова этимъ своимъ скуднымъ произведеніемъ. Прилагая при семъ сей мой дневникъ и записанныя мною краткія свѣдѣнія о нѣкоторыхъ случаяхъ изъ жизни почившаго о. Іакова, покорнѣйше прошу Васъ, г. редакторъ, не найдете-ли Вы въ нихъ что-либо полезное и не напечатаете-ли что-нибудь на страницахъ „Епархіальныхъ Вѣдомостей“ въ ознаменованіе первой полугодины усопшаго о. архимандрита Іакова. Имѣю честь быть и проч.

22 января 1896 г.

Душевно былъ бы радъ я описать поподробнѣе всѣ печальныя событія, которыя мы, т. е. вся братія нашего монастыря пережили въ послѣдніе дни, со времени кончины до погребенія дорогаго нашего батюшки архимандрита отца Іакова, т. е. съ 16 по 20 января, но чувствую, что рѣшительно не въ состояніи. Сколько не пытаюсь я сосредоточить свои мысли, ничего не выходитъ. Все какъ-то путается въ головѣ и мысли очень быстро сдвѣиваютъ одна другую. Волненіе охватываетъ все мое существо, и не позволяетъ спокойно обдумать что-либо. Кромѣ того, за это время мнѣ увеличено было послушаніе: какъ хлѣбонеку, мнѣ слѣдуетъ наказъ приготовить т. е. напечь ко дню погребенія возможно большее количество хлѣба. Вся братія чрезвычайно была разстроена. Казначей хотя и велъ себя спокойнѣе всѣхъ,—

к III 1265847

но только повидимому. На самомъ же дѣлѣ и онъ былъ крайне разстроены и дѣлалъ дѣло подобно малолѣтнему: онъ постоянно, или приходилъ ко мнѣ въ келью, или звалъ меня просто изъ-за какихъ-нибудь пустяковъ къ себѣ; и видимо, что никакое дѣло у него не спорилось въ это время. Старшая братія была весьма печальна и всё мы бродили, какъ овцы, лишившіяся своего пастыря. Собирались для совѣщанія, гдѣ приходилось: то въ келейной, то въ спальнѣ о. архимандрита, то на кухнѣ, или же просто у меня въ хлѣбной. Не успѣли придти къ какому-нибудь заключенію, какъ зазвонили протяжно къ панихидѣ въ Мотору, самый большой колоколь. Всѣ поспѣшили къ покойному—или присутствовать, или служить панихиду. Иеромонахи между общими панихидами чередовались служить панихиды заказныя и литіи. Иеродіаконы поочереди читали постоянно, день и ночь св. Евангеліе при усоншемъ. Лѣво-клиросные пѣли частныя, т. е. заказныя панихиды и литіи; а пѣвчіе праваго клироса между богослуженіемъ и общими панихидами въ трапезѣ разучивали нотное заукоинное пѣніе. Заказныя панихиды и литіи продолжались почти безпрерывно всё дни. Но при всемъ этомъ чинъ и порядокъ въ монастырѣ былъ образцовый: не замѣтно было даже и тѣни той бесполезной суетливости, кака я бываетъ обычно при подобныхъ случаяхъ. Объясняется это тѣмъ, что смерть дорогаго нашего батюшки не застигла братію въ располхъ. Батюшка скончался не въ цвѣтущихъ лѣтахъ, а въ глубокой и маститой старости. Особенно былъ труденъ послѣдній годъ для батюшки. Былъ такой случай, что не только мы, но и докторъ думалъ что дни батюшки сочтены. Но Промыслу Божию угодно было еще продлить жизнь батюшки на пользу нашей святой обители. Намъ служило отрадой и то, что множество народа приходило каждый день отдать послѣдній долгъ покойному. И съ какимъ благоговѣйнымъ чувствомъ относились къ нему всё окружавшіе гробъ его и съ какимъ усердіемъ молились о немъ—благодѣтель! Все это наполняло наши сердца благоговѣйнымъ и отраднымъ чувствомъ.

Хотя и отошелъ въ вѣчность дорогаго нашъ батюшка, оставивъ насъ сирыми, но память о такомъ добродѣтельномъ старцѣ не изгладится изъ сердецъ нашихъ. Мы внутренне душевно сознавали, что всё присутствующіе раздѣляютъ скорбь нашу

вмѣстѣ съ нами; всѣ усердно со слезами молились о упокоеніи души новопреставленнаго и просили его святыхъ молитвъ за себя у Престола Господня.

23 января 1896 г.

Въ 12 часу дня 16 января насъ извѣстили, что о. архимандритъ Іаковъ скончался (скончался онъ въ 11 часу). На сколько мы были тронуты этимъ извѣстіемъ, — можно судить изъ слѣдующаго: я побѣжалъ на почту взять открытый бланкъ, чтобы поскорѣе извѣстить родныхъ и знакомыхъ. Хотѣлъ я тутъ же на почтѣ написать и положить письмо въ ящикъ, но мнѣ что-то не вѣрилось, что о. архимандритъ скончался. Пришелъ я въ келью, чтобы подлинно удостовѣриться.

Одѣвшись я поднялся въ архимандритское зало. Тамъ среди зала стоялъ траурный столъ, на который братія внесла и положила покойнаго о архимандрита.

Послушниковъ не было никого, потому что не давали знать, пока тѣло не приведутъ въ надлежащій порядокъ.

Когда облачали и укладывали на столъ тѣло усопшаго о. архимандрита, то братія плакала навзрыдь. Всѣхъ болѣе плакалъ старшій келейникъ о. архимандрита о. Игнатій. Стали одинъ по одному прибывать и остальные изъ братіи. При видѣ лежащаго дорогаго и добраго батюшки нашего белдыханнмъ, невольно каждый становился на колѣни и съ горькими слезами оплакивалъ почившаго. Нѣкоторые изъ іеромонаховъ, облачившись въ траурныя облаченія, сидѣли на стульяхъ, опустивъ глаза долу, не смѣя нарушить тишины, царившей во всемъ залѣ. На всѣхъ нашло какое-то оцѣненіе. Кто-то сказалъ, что надо служить панихиду. Это вывело всѣхъ изъ забвенія. Приказали тутъ же стоявшему звонарю ударить въ Мотору 12 разъ; что тотчасъ же и было исполнено. Я не въ силахъ описать нашихъ чувствъ въ тотъ моментъ, когда мы слышали заунывный печальный звонъ...

Началась первая панихида. Всѣхъ охватило волненіе.

Іеромонахи не могли подавать возгласовъ. Іерсдіакопы обрывали прошенія; голоса тѣхъ и другихъ дрожали отъ волненія. Пѣвчіе утирали слезы; и думалось: вотъ, вотъ наступитъ мо-

ментъ, всё разрыдаются... Кончилась первая панихида. Стали прибывать изъ города высокопоставленныя лица. Начали служить панихиды и литіи. Я пришель въ келью, написалъ на открытомъ бланкѣ письмо и побѣжалъ на почту, чтобы скорѣе положить его. Дорогой я сталъ читать письмо. Оказалось, что на сторонѣ, гдѣ долженъ быть написанъ адресъ, у меня было написано письмо, а на оборотѣ—адресъ. Это еще ничего. У меня написано: скончался въ 11 часовъ, а кто, не написано.

Я разорвалъ бланкъ; купилъ новый и еще нѣсколько другихъ, и извѣстилъ о смерти батюшки своихъ родственниковъ и знакомыхъ. Въ 2 часа прибыли изъ духовнаго училища наставники съ учениками и 12 приходскихъ священниковъ (въ это время былъ съѣздъ духовенства). Панихиду служили священники, а пѣли ученики духовнаго училища. Слѣдующую панихиду служили ученикамъ нашей монастырской церковно-приходской школы, которую покойный о. архимандритъ содержалъ на свой счетъ, даже съ обѣденнымъ столомъ.

Ровно въ четыре часа дня начался протяжный заупокойный благовѣстъ въ Мотору къ вечерней панихидѣ. Общія панихиды распредѣлены были такъ: утромъ въ 8 часовъ—1-я, въ 12 часовъ—2-я и въ 4 часа вечеромъ—3-я, которыя и продолжались безпрерывно до дня погребенія. Народа на панихидахъ была масса. Много было высокопоставленныхъ лицъ.

17 января послѣ первой панихиды т. е. въ восьмомъ часу состоялось перенесеніе покойнаго о. архимандрита изъ зала въ архіерейскіе покои. Того же дня вечернюю панихиду пѣли монахи Горицкаго монастыря.

19 января послѣ первой утренней панихиды совершенъ былъ полнымъ соборомъ во главѣ съ о. архимандритомъ Сергіемъ (проживающимъ въ нашемъ монастырѣ на локоѣ) выносъ тѣла изъ архіерейскихъ покоевъ въ Введенскій соборъ.

Послѣ сего началась заупокойная литургія; пѣніе на ней было потное и очень трогательное. Въ 1 часу дня всё мы снимались на фотографическую карточку при гробѣ почившаго о. архимандрита въ соборѣ группой: іеромонахи и іеродіаконы въ черныхъ облаченіяхъ, послушники въ обычныхъ одеждахъ, всё—съ зажженными свѣчами въ рукахъ.

Въ 6 часовъ вечера, того-же 19 января, рѣдкій (зауспокойный) звонъ въ Мотору съ перезвономъ, извѣстилъ насъ, что началась зауспокойная всенощная. Окончилась всенощная въ 10 часовъ. Въ самомъ концѣ всенощной начался пожаръ въ городѣ. Пожаръ былъ весьма большой. Изъ нашего монастыря на мѣсто пожара носили чудотворную икону Божіей Матери „Одигитріи“ со всѣмъ клиросомъ.

20 января отправлялась ранняя обѣдня въ 5 часовъ. Въ половинѣ 8 часа начался звонъ переборомъ къ позней литургіи. Служеніе ея было соборное, торжественное; въ немъ принимали участіе: игуменъ Кирилло-Новоезерскаго монастыря, строитель Нило-Сорской пустыни и наша братія. Хоръ пѣлъ нашъ монастырскій. Въмѣсто причащнаго стиха надгробное слово говорилъ законоучитель нашей церковно-приходской школы священникъ Казанскаго собора о. Павелъ. На отпѣваніе вышло 23 священника съ нашими іеромонахами, во главѣ съ о. архимандритомъ Сергіемъ. Прикладываніе продолжалось болѣе часу. Надгробное слово (очень трогательное) говорилъ учитель духовнаго училища Н. П. Успенскій. Проповѣдникъ вкратцѣ перечислилъ всѣ заслуги покойнаго, какъ для монашества, такъ и для общества. Голосъ его дрожалъ отъ волненія. Многіе плакали навзрыдъ, въ особенности когда проповѣдникъ говорилъ о тѣхъ благодѣяніяхъ и о той широкой благотворительности, которыми славился нашъ батюшка. Послѣ прощанія, гробъ съ тѣломъ почившаго батюшки съ крестнымъ ходомъ былъ вынесенъ изъ Введенскаго собора и обнесенъ кругомъ главнаго стариннаго Успенскаго собора; за этимъ соборомъ противъ главнаго алтаря согласно завѣщанію покойнаго была приготовлена могила, въ которую послѣ краткой литіи и пѣнія: „вѣчная память“, съ горькими рыданіями братіи и всѣхъ присутствовавшихъ былъ опущенъ гробъ въ приготовленный ящикъ и задѣланъ кирпичнымъ склепомъ. На могилу поставили простой деревянный крестъ съ маленькой иконой преподобнаго Кирилла. На могилѣ теперь совершаются заказныя панихиды и литіи.

Съ какимъ уваженіемъ и даже благоговѣніемъ относились къ покойному престолюдину можно заключить изъ слѣдующаго: пока крышка отъ гроба почившаго стояла на панерти собора, во все время къ ней старались приложиться почти всѣ бого-

жольцы. Иные прикладывались, какъ мы замѣчали, украдкой ¹⁾. Въ спальнѣ усопшаго о. архимандрита почти каждый день служились литіи, заказываемыя разными прибывшими къ намъ богомольцами.

Народу участвовало на поздней обѣднѣ и во время отпѣванія и погребенія до 6000 человекъ. Не смотря на сильный вѣтеръ и морозъ во время обнесенія гроба съ тѣломъ усопшаго батюшки кругомъ Успенскаго собора, никто не хотѣлъ уйти, а все оставались, желая отдать послѣдній долгъ покойному, до самаго послѣдняго момента погребенія, т. е. когда гробъ опустили въ могилу и заколотили крышку не только гроба, но и ящика. Съ печальными лицами оставили все богомольцы могилу почившаго; граждане отправились домой, а пришедшіе изъ окрестныхъ ближнихъ и дальнихъ деревень—на помпезный обѣдъ, приготовленный отъ монастыря. Нами было приготовлено хлѣба до 60 пуд., да изъ Горидкаго монастыря привезено два воза. Кромѣ того взято было изъ курени г. Валькова булокъ 12¹/₂ пудовъ для раздачи богомольцамъ. При гробѣ почившаго о. архимандрита особенно въ послѣдній день, раздавали народу сочиненія покойнаго о. архимандрита: „Слово на Рождество Христово“ и книгу „Пастырь въ отношеніи къ себѣ и паствѣ“. Всего роздано было болѣе 1000 экземпляровъ.

Скажу въ заключеніе, что никогда не видали мы въ своемъ монастырѣ такихъ похоронъ, каковы были похороны нашего батюшки; никого въ немъ такъ глубоко и единодушно не чтили, какъ чтили и уважали его. Не стану описывать чувствъ всехъ присутствовавшихъ на похоронахъ батюшки, собравшихся и изъ далекихъ мѣстъ отдать послѣдній долгъ ему. Замѣчу лишь одно, что много требовалось истинной любви къ людямъ и много нужно было благотворить въ жизни, чтобы возбудить къ себѣ такое обширное и единодушное уваженіе какое проявилось по отношенію къ почившему о. Іакову и на такомъ влобакокѣ поприщѣ, каково поприще настоятеля!

¹⁾ И теперь еще на нашerti стоитъ траурный столъ, на которомъ стоялъ въ соборѣ гробъ съ тѣломъ усопшаго батюшки; и можно нѣрѣдко наблюдать, какъ многіе изъ богомольцевъ при входѣ и выходѣ изъ церкви прикладываются къ нему.

Похороны его были глубокознаменательны и надолго останутся въ памяти каждаго, участвовавшаго на нихъ. Никогда нельзя забыть этого многлюднаго похороннаго шествія, этихъ обнаженныхъ многочисленныхъ головъ, присутствовавшихъ съ выраженіемъ чистой и неподдѣльной грусти на лицахъ...; этой могилы и простаго деревяннаго креста на ней, которые привлекли однако къ себѣ на поклонъ такое множество благочестивыхъ православныхъ христіанъ.

